

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Работа посвящена трансформации экономической рациональности в современных условиях исходя из переосмысления теории Никласа Лумана. Происходящие финансово-экономические потрясения в мировой и национальных экономиках подводят нас к переосмыслению понятий «информация» и «решение», «экономическая рациональность» и «рост информатизации».

Ключевые слова: Homo economicus, экономическая рациональность, информационное общество, информация, экономическая эффективность, Никлас Луман, общество риска, ограниченная рациональность.

Возвращаясь к вопросу о возможных трансформациях в структуре целесообразной (рационально ориентированной) экономической деятельности, отметим тезис Никласа Лумана, согласно которому новая экономическая ситуация настоятельно требует сегодня переосмысления всех базовых представлений об экономической рациональности [1].

Связано это прежде всего с тем, что в ситуации отсутствия у агента экономического действия необходимой полноты информации рациональные схемы выбора и предпочтений, описанные нами в предыдущих работах [2–4], перестают работать в принципе. В этой ситуации, «необходимой для принятия рациональных решений, невозможно говорить ни о рациональном, ни тем более об “умном” поведении в информационном обществе». Как следствие, сегодня «необходим глубокий пересмотр процесса познания и изменение многих устоявшихся понятий, прежде всего относящихся к “рациональности”» [1].

Данный тезис тесно связан с необходимостью переосмысления самого отношения понятий «информация» и «решение». Ситуация усугубляется еще и тем, что первое из указанных понятий в качестве самостоятельной смысловой единицы вообще отсутствует в классических теориях о рациональном поведении Homo economicus [4]. С одной стороны, решения зависят от информации, или, точнее, от преобразования информации в знание. С другой стороны, сами решения являются важнейшим источником потребности в информации. В случае принятия решения, — замечает Луман, — потребность в информации определена конститутивно, она следует из самой природы решения, а именно: решение невозможно знать наперед. Следовательно, только через информацию можно получить сведения о том, какое решение принято. В этой связи немецкий социолог отмечает, что необходимость больших массивов информации в современном обществе связана не только с ситуацией неполного знания (как потребность его восполнить), но также с настоящей необходимостью принимать массу решений, от которых зависит сама структура общества. В этом втором смысле полнота информа-

* © Сорочайкин А.Н., Филатова А.В., 2011

Сорочайкин Андрей Никонович, Филатова Анастасия Викторовна (egmu205@mail.ru), кафедра экономики города и муниципального управления Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ции призвана гарантировать взаимосвязанность и взаимосогласованность решений, принимаемых в такой сложной системе, каковой является общество. Соответственно неполная или искаженная информация о любой микро- или макро-системе (социальной либо экономической) грозит увеличением энтропии вследствие рассогласованности решений.

Анализируя данную проблему, исследователь обращается к классической теории решений. В соответствии с ней экономическое действие (понятое как решение о предпочтениях) всегда представляет собой выбор между альтернативами на основе информации, причем выбор, обязательно совершенный на рациональных основаниях. Однако современные экономические реалии фактически обнаруживают ограниченность и односторонность этой классической теории. Уже с 50-х годов прошлого века здесь очевидна невозможность исходить из тех идеальных структур, которые предлагает такая теория. Например, известная классическая модель рынка предполагает идеальную конкуренцию, гарантирующую равные условия «игрокам» на рынке. Однако в действительности, как замечает Луман, решения (например, определение цен товаров) в такой ситуации должны соотноситься не с рыночной конъюнктурой, но должны быть выработаны в самой организации. При этом количество релевантной информации увеличивается настолько, что ее исчерпывающее изучение было бы слишком затратным (то есть как раз нерациональным).

Нетрудно заметить, что данное рассуждение во многом опирается на концепцию «ограниченной рациональности», авторство которой принадлежит Г. Саймону [5]. Соответственно образ действия в новых, «гиперинформационных» условиях (в условиях многообразия разнородной информации) должен быть иным, и он уже не будет описываться классической схемой рациональных предпочтений. Здесь необходима последовательность из двух шагов, при которой акту принятия конкретного решения предшествует предварительный процесс анализа предпосылок решений. Последнее, среди прочего, в приведенной ситуации поведения на рынке должно включать в себя изучение целей и алгоритма деятельности, а также порядка замещения вакантных мест. При этом и в данном случае полнота информации не будет достигнута, однако данная схема действия обеспечит субъекту пусть не максимальный (наилучший), но зато по меньшей мере оптимальный выбор. «Требуемый уровень решений обозначается с помощью результатов, которые должны обеспечить принятые решения, и по достижении этого уровня ситуация считается в целом удовлетворительной. При этом остается открытым вопрос о возможности лучших решений, а согласно пословице, лучшее – враг хорошего» [1].

Таким образом, Луман пронизательно указывает на издержки информационного общества – в том его сегменте, который отвечает за экономическое действие, – аргументированно демонстрируя границы такого типа общества. Иначе говоря, информационное общество использует информацию, находящуюся в его распоряжении, лишь в ограниченной степени. Отметим при этом, что данное ограничение является объективным и имманентным самой структуре зарождающегося информационного общества. Парадоксально, что недостатком данной социальной структуры в этом случае оказывается то самое ее свойство, которое вызывает наибольшее восхищение у большинства исследователей – многообразие и многослойность информационных процессов.

Тезис же Лумана подтверждается и эмпирическими исследованиями о принятии решений управленческим персоналом и о подготовке политических решений, ведь для их принятия едва ли возможно полностью проанализировать даже наличную информацию [6, с. 22–24]. В этом случае решения зачастую прини-

маются практически без обсуждения, например, на основе личных контактов и фактора личного доверия. Однако вполне может быть, что для ситуаций такого типа, в которой фигурируют понятия с подвижным смыслом или сама постановка проблемы из-за объективных ограничений изначально плохо поддается структурированию, данная стратегия действия и является наилучшим способом принятия решений. На фоне недоверия к политическим манипуляциям данными, которые зачастую подгоняются их составителями в своих интересах, в ходе личных контактов создается впечатление достаточной информированности (во всяком случае, такой же, как у всех). Такое положение дел особенно хорошо проявляется в реалиях политической жизни, ведь решения политических лидеров, вероятно, гораздо чаще являются всего лишь более или менее отчетливыми ориентирами для принятия дальнейших решений, нежели результатом обработки полностью собранной информации. При этом, конечно, нельзя отрицать, что описанная стратегия, имеющая нерациональный (или, скорее, иррациональный) характер, неизбежно ограничивает возможные будущие состояния той или иной системы, иногда даже подменяя объективную внешнюю информацию опережающими ее собственными решениями.

Примечателен и вывод, который делает Луман из своего исследования, фактически ставя под сомнение прямую зависимость экономической эффективности от роста информатизации. «Не удивительно, что связь между развитием информационных систем и экономической эффективностью не обнаруживается. Быстрый рост производительности труда в течение последних десятилетий основан, как и прежде, на технологии, а не на увеличении количества доступной информации. Наоборот, стоимость информационных систем начинает постепенно снижать продуктивность вложений средств в других областях. Отсюда возникает вопрос о том, кто на самом деле использует информацию, постоянно производимую в «информационном обществе». Похоже, что при попытках ее эффективного использования рациональность становится камнем преткновения» [1].

И все же, как представляется, данное утверждение является для немецкого социолога скорее постановкой вопроса, нежели формулированием окончательного ответа на него. В частности, в концептуальном поле, очерченном таким вопросом, еще остается место для постановки следующей проблемы: является ли использование информации априорно исключающим чисто рациональные схемы или же описанные трудности в большей степени связаны с самой природой экономического решения (которое в этом случае тоже оказывается сущностно иррациональным)?

На сегодняшний день экономическая эпистемология (как и экономическая наука в целом) еще не в состоянии ответить на этот вопрос. Но уже сейчас мы можем обозначить те два комплекса проблем, с которыми сталкивается любое исследование, идущее в этом направлении. Как только мы говорим о статусе «решения» в информационном обществе (решение как информированный выбор среди нескольких альтернатив), перед нами неизбежно встают два вопроса:

1. Кто является действительным субъектом принятия решения, какова его структура? (Заметим, что хорошо изученная сегодня структура субъекта рационального экономического действия тут едва ли может чем-то помочь). Речь идет о неустранимом влиянии субъективного фактора на содержание и структуру экономического решения, то есть о проявлении индивидуальной (или даже коллективной) воли, которая не может быть просчитана заранее. Считается, что решения принимают в конечном итоге конкретные люди. Отсюда следует, что чем важнее решения, тем важнее их авторы: люди приобретают статус в соответствии

с важностью решений, которые от них зависят и принятие которых им приписывают.

2. Каков полный перечень критериев рациональности и возможности их адекватного и полного применения в ситуации роста информатизации?

Решение этих вопросов в будущем, однако Луман предостерегает и от чрезмерно пессимистичной оценки перспектив информационного общества на основании его сложности, то есть непредсказуемости, и неполного контроля за информационными потоками. Как отмечает исследователь, развитые информационные системы вовсе не являются прерогативой современного общества. Луман приводит примеры с глиняными табличками в храмах древних шумеров, которые содержали сведения о взаимодействии огромного числа участников, и с письменностью инков, являющейся весьма сложной информационной системой со своей особой организацией.

Указанные примеры иллюстрируют вполне очевидный тезис о том, что любые решения (а в случае с традиционными обществами это были решения с относительно простой структурой) всегда предполагают наличие определенной информационной системы для своей реализации. Вместе с тем для объяснения качественных отличий современной информатизации от процессов любой другой эпохи прошлого недостаточно простого указания на количественный рост сложности информации, поскольку такое объяснение не затрагивает самого механизма социальных изменений. То же самое касается и скорости старения информации, то есть временного аспекта любой системы. Здесь изменение заключается в том, что все больше и больше общественных структур создаются и изменяются посредством принятия решений. Сегодня это верно в отношении почти всех областей коммуникации: политических выборов, позитивного права, определения направления дальнейших исследований в науке, инвестиций капитала в стране или за рубежом, выбора профессионального образования и т. д. «Взрыв необходимости решений, которые в свою очередь являются следствиями решений и влекут за собой дальнейшие решения, требует новых форм динамической, а не структурно и онтологически заданной стабильности мира. Он приводит к возникновению рисков или их общественному восприятию, следовательно, современное общество является не просто “информационным обществом”, но и “обществом риска”. Кроме того, повышение значения решений изменило смысл понятия участия. Участие сегодня означает влияние на процесс принятия решений, а не определение своего места внутри большого целого. Таким образом, понятие участия политизируется и переполняется ожиданиями, которые не могут быть осуществлены <...>. Мы возвращаемся к вопросу о том, в каком смысле современное общество следует считать информационным. Рациональные преимущества, обещаемые нам при продаже информационных систем, имеют лишь видимость отношения к этому вопросу. Их невозможно просчитать в рамках схемы “затраты-прибыль”. С большим основанием можно утверждать, что с помощью понятия информации и тезиса о зависимости современного общества от нее указывается на трудности, связанные с нестабильностью оснований для принятия решений. Решения зависят от неожиданности, потому что сами являются неожиданностью.

Сегодня постоянно подчеркивается, что мы все знаем и можем все просчитать заранее, однако здесь на передний план выступает экспрессивное, а не коммуникативное содержание деятельности, как это уже было однажды при изобретении письменности. Компьютеры производят на нас впечатление как раз потому, что невозможно наблюдать процесс их работы. Информация как форма имеет и другую сторону: она воспроизводит знание в форме неожиданности.

Все, что она определяет, могло бы быть определено и по-другому. <...> Поэтому информация и решения вместе вызывают впечатление того, что современное общество является системой с самовоспроизводящейся неопределенностью. Тогда остается удовлетвориться тем, что можно принимать решения и знать о них. Не следует полагать, что в ответ на это обращаются к “этическим” принципам. Эта отговорка ведет не в лучшие миры, а ставит вопрос о том, на основе какой информации и кем принимается решение об этих принципах» [1]...

Библиографический список

1. Луман Н. Решения в информационном обществе. URL: <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/probtsoc.html>.
2. Сорочайкин А.Н. Философия экономики. В поисках новых подходов: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 192 с.
3. Сорочайкин А.Н. Человек в системе социально-экономических отношений: монография. Самара: Самар. отд-ние литфонда, 2007. 198 с.
4. Сорочайкин А.Н. Homo economicus: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий: монография. Самара: Офорт, 2009. 352 с.
5. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных систем и институтов. 1993. Вып. 3. С. 16–38.
6. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. М.: Академический проект, 2000. 394 с.

*A.N. Sorochaikin, A.V. Filatova**

ECONOMIC RATIONALITY IN MODERN CONDITIONS

The work is devoted to the transformation of the economic rationality in modern conditions on the assumption of the theory of Nicklas Luman. Financial and economic shocks happening in the world and national economics bring us closer to the reconsideration of the concepts «information» and «decision», «economic rationality» and «growth of informatization».

Key words: Homo Economicus, economic rationality, information-oriented society, information, economical efficiency, Nicklas Luman, society of risk, limited rationality.

* Sorochaikin Andrey Nikonovich, Filatova Anastasia Viktorovna (egmu205@mail.ru), the Dept. of the Economy of the City and Municipal Management, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.